

Андрей Ефремов (Брэм)
Роман Капитонов

БОЕВАЯ
РАБОТА

ЭХО ВОЙНЫ



Война — это страшно. Война — это не эффектно как в кино. Война — это грязь и пот, несправедливость и верность, честность и грусть. Война — это тяжкий груз боли от потерь. Роман Капитонов прошел все ужасы войны в Афганистане и выжил. Был убит в мирное время и в мирном городе. Его «Дневник» — это все, что он оставил в память о себе. Это не очередная книга о войне, этот дневник — результат мук совести и желание выплеснуть то, что накопилось в душе за годы на войне: жестко, честно, по мужски.

В книгу вошли также рассказы составителя сборника Андрея Ефремова (Брэм).

**Роман Капитонов, Андрей
Ефремов (Брэм)
Эхо войны**

От составителя



Мир. Этот «Дневник», которому Роман Капитонов дал название «Эхо войны» был опубликован в семи или восьми номерах якутской

газеты «Эхо столицы» в первой половине 2000-го года. Признаюсь — в то время эти публикации мне на глаза не попадались. Узнал о том, что он писал, только после его смерти. Ветерана войны, молодого пенсионера, инвалида, убили в мирном городе и в мирное время, — банальная уголовщина.

Война. «Я направил ствол и... сделал. «Убиваешь не ты, — подумал я, — убивает твой автомат, ты только нажимаешь на курок. Трудно убивать, ножом или рукой. Самое главное, чтобы после твоего выстрела человек сразу же умер, не мучился». Эта страшная запись из дневника Романа, — он выполнял приказы «лживого и вонючего правительства», не скрывал того, что делал будучи простым солдатом там, на войне, не скрывал своего раскаяния, не скрывал липкого чувства омерзения от действий родного правительства. Писал прямо, без оговорок. Писал, не выпячивая своего «Я». Писал просто, как мысли вслух.

«Неужели мы рождены ради того, чтобы погибать и остаться в памяти миллионов незнакомых нам людей (как было сказано в приказе о награждении его друзей посмертно). Зачем? Ради чего?!» — это слова Романа по поводу гибели его друзей на войне. Возможно, его Дневник — результат мук совести, возможно — он хотел выплеснуть то, что накопилось в его душе за

одиннадцать лет жизни на войне: крик в народ равносильен исповеди Богу — это очищает душу, снимает Горечь, Обиду и Боль с души; его статьи шли под рубрикой «Болевая точка». Роман публиковался под своим именем, это тоже смелость.

«...Все воспринимается обостренно, любая несправедливость, нервы, как оголенные провода... Но никого и никогда, пока я здесь [в мирной жизни], не ударил, даже не нагрубил. Почему? Просто я никому после Афгана уже не могу, не хочу делать больно»...

В отряде милиции особого назначения друзья звали Романа — Рома Динамит — это из-за его последней воинской специальности — сапер. В Чечне как-то приклеилось шутовское — Прометей: при розжиге буржуйки на нем загорелась одежда, и, для того чтобы в тесной палатке до отказа набитой вооружением и взрывчатыми веществами не возник пожар, Роме пришлось выбежать из нее. Мало кто знает — по выходе на пенсию, Роман продолжал работать в секретной оперативной службе. Вот такой он был беспокойный человек.

Дать вторую жизнь его труду меня попросили его друзья. Нашел все выпуски газеты «Эхо столицы» с его публикациями (публикации в так называемой «толстушке» — итоговый номер в конце недели, сама газета — ежедневная) в

библиотеке Северо-Восточного Федерального Университета, но в одном из номеров одна страница была вырвана — так и осталось невыясненным — были ли на этой странице его записи. Рукопись в редакции не сохранилась. Роман был круглым сиротой, спросить даже черновые наброски не у кого. Автор не претендует на соавторство «Дневника».

При правке текста я как мог, по возможности, убирал все многочисленные «любимые» слова Романа: «и тут», «опять», «начал», «потом». Для того, чтобы дать неискушенному в армейских оборотах мысли читателю понять о чем идет речь, вставил «смысловые мостики» между некоторыми абзацами — текст от этого не пострадал.

Первоначально текст «Дневника» был мной выставлен на сайте авторов и писателей ветеранов и участников локальных войн «ArtOfWar» (Искусство войны) в 2011 году. «Эхо войны» Романа Капитонова до сего дня вызывает интерес читателей, имеет множество перепубликаций на различных, как военных, так и литературных сайтах.

По поводу «Дневника» Романа Капитонова поступили дельные замечания от ветеранов афганской войны: вот что пишет Воронин Анатолий Яковлевич (Астрахань), на протяжении двух лет он был советником спецотдела Царандоя

Кандагарской провинции. Последние четыре месяца афганской командировки он исполнял обязанности старшего советника МВД СССР в провинции Кандагар. Принимал непосредственное участие в 26-ти боевых операциях, в том числе — девяти крупномасштабных. В феврале 1995 г. и октябре 1996 г. командировался в Чечню для выполнения спецзаданий. В 1997 году в звании подполковника вышел в отставку. Награжден правительственными наградами, в том числе, орденом Красной Звезды, орденом Слава (ДРА), медалями СССР, ДРА и РФ): «По состоянию на 1986-88 г.г. в Кандагаре не было полка ВДВ, а был Второй батальон. И стоял он не в Кандагаре, в прямом понимании этого слова, а на Майдане, то бишь — в аэропорту, где, собственно говоря, дислоцировалась основная часть советских воинских подразделений, не считая л/с размещенного на заставах. Хотя, есть одно небольшое уточнение. Несмотря на то, что Кандагарская бригада была мотострелковой, афганской стороне, «по-секрету», она представлялась как спецназовская. Делалось это с той целью, чтобы скрыть истинное предназначение 22-й Бригады СПн в Лошкаревке. Да и про мотострелковые батальоны Бригады речь шла как за ВДВэшные. Уж на что я, советник, и то поверил в эту дезу, настолько, что искренне верил, что батальоны именно десантные. Да и сам Варенников

на многочисленных совещаниях о них вел речь как о десантных. Не мудрено, что простой шурави мог за истину принять именно то, что слышал своими ушами».

На отдельные вопросы читателей: «Зачем механиков возят вертушками и гоняют в горы, а где их броня»? Воронин отвечает:

«Если речь идет именно о Кандагаре, то вертушки с личным составом на боевые летали исключительно с десантурой и спецурой. Были переброски вертушками л/с Бригады и советников в соседние провинции, чаще всего в Заболь и Гильменд, но то отдельная тема. Механикам-водителям и на земле хватало работы».

«Почему все советские части из Кандагара вывели до 15 августа 88-го, а этот батальон (или полк?) оставили до января 89-го»?

«После августа 1988 года в Кандагаре не оставалось ни одного советского военнослужащего, кроме малочисленной группы агентурщиков из ГРУ. Иногда, в Кандагар наведывались советники МВД из Кабула, но то были одномоментные визиты, связанные с проведением контрольных мероприятий. Да и где мог дислоцироваться в Кандагаре тот самый полк, если все строения 70-й ОМСБр в августе 1988 года были переданы афганской стороне».

Поступили правки и от ветерана-афганца В.

Сергеева:

«Если я ничего не путаю, то колонна, которая могла разгрузиться в Шинданде должна была идти из Кушки — Турагундей на Герат и уж потом на Шинданд. В тексте маршрут ниточки: Термез — Хайратон — Кабул. Шинданд далековато будет... Опечатка, видимо. Наверно в Мазарях или Пули Хумри? И еще опечатка. Полк 217 в Афгане? Наверно 317 ГВПДП Кабульский, но тогда получается что-то кривовато: «оторванным» батальоном мог быть только 3 бат в Шахджое»...

Несмотря на нестыковки в тексте, известно одно — у Романа было огромное желание писать, он знал о чем пишет; этот «дневник», я считаю, лишь черновой набросок прошедшего через горнило войны автора. Ещё совсем немного времени и он написал бы полноценную книгу.

Дневник Романа перемежаю статьями журналистов — тоже память. Выражаю благодарность: работнику библиотеки СВФУ (ныне пенсионеру) Хамаровой Татьяне Петровне, ветеранам боевых действий Борису Алексееву (Якутск) и Рыбак Эмиру (Литва), журналисту Виктории Габышевой, и всем неравнодушным людям за оказанную помощь.

Андрей Ефремов (Брэм)

Память

В предновогодние дни (2000 г.) в редакцию подошел молодой человек. Мы были страшно заняты последней в году «толстушкой»,¹ всюду царила предпраздничная суматоха. А он тихонько стоял у дверей, стянув с головы лохматую шапку, и, наконец, подошел ко мне:

— Вот, рукопись у меня. Мне посоветовали обратиться к вам. Может, посмотрите?

— Посмотрю, — пообещала я, закинув пачку мелко исписанных мятых листочков в верхний ящик стопа, — вы приходите после праздников.

— Хорошо, — покорно сказал он, но не уходил, очевидно, что-то осталось недосказанным, а может, ему трудно было расстаться со своей рукописью. Почувствовав неловкость, я спросила:

— Это вы написали?

— Да. Это мои воспоминания, а может, дневник. Как вам больше понравится. Я ветеран Афганистана...

Сколько живу, не могу привыкнуть к слову

¹ Пятничный выпуск газеты, в котором публиковались все новости за неделю.

«ветеран», когда оно применимо к молодости. Война — это всегда страшно. И страшно вдвойне, когда твой ровесник, а порой даже парень, гораздо младше тебя, видит смерть, убивает, и сам может быть убитым в любую минуту. И страшно, что ветераны — это не только старики, убеленные сединами, а вот такие молодые люди, знающие о войне не понаслышке...

«Я приду...», — сказал он. Но не пришел. И каюсь, я даже не спросила — ни как его зовут, ни где его искать. Но, продираясь через колючий почерк, я с удивлением, восхищением и запоздалым раскаянием поняла, что эта мини-повесть обязательно должна быть напечатана. Если бы можно было вернуть тот день, узнать фамилию, поговорить нормально, сфотографировать парня, в конце концов...

Судя по записям, его зовут Роман Капитонов, но вполне возможно, это псевдоним.

В очень простых, порой безыскусных, а где-то и неумелых строчках столько искренности, непосредственности и чистоты, что это задевает, заставляет думать и переживать.

Любители острых ощущений не найдут в повести описаний боев, разрывов снарядов и разлетающихся в разные стороны человеческих тел, по крайней мере, в первой части. Это действительно воспоминания — записи простого

якутского паренька, пока только солдата, «духа». Я надеюсь, что вещь моего знакомого (по повести) незнакомца найдет отклики в душе читателя.

А автора я убедительно прошу прийти в редакцию и обещаю, что обязательно расскажу о нем.

*Виктория ГАБЫШЕВА
в те годы журналист
газеты «Эхо столицы»*

Эхо войны Дневник Романа Капитонова

Призывник

8 мая 1987 года, 7 ч. утра

Утро сегодня солнечное. Я заметил — так бывает всегда перед праздником День Победы. А ведь только вчера моросил дождь, казалось, конца-края ему не будет. Было очень грязно и холодно. И хотя от общаги до учебного корпуса всего-то метров двадцать пять, пока дошли, ноги стали такими тяжелыми от прилипшей грязи, будто в ботинки налили свинец.

Светит ласковое весеннее солнце. Сегодня у нас всего две пары, а после обеда будем готовиться

к празднику. Пока я лежу и думаю о том, какой прекрасный предстоит день, к нам без стука вошла комендант Шура. Сейчас она начнет нас разносить и тратить свои драгоценные нервные клетки. Про Вальку Стручкова скажет, что он будущий хронический алкоголик, про Игоря Лебедева — что он способный Дон Жуан, и горячо пожелает, чтоб он со второго этажа упал, когда будет лезть к девушкам в их общежитие. Мне же скажет, что меня не зря в армию забирают, и что я вообще не должен был быть в СПТУ, а работать где-то в порту грузчиком, а лучше всего ассенизатором. После чего она пойдет дальше — мучить и убивать свои нервные клетки...

8 мая 1987 года, 13 ч. 30 м

После очередных пар занятий мы приколачивали красный плакат с надписью «С Днем великой Победы советского народа над фашистской Германией». Ленка Саввинова идет. По ней все СПТУ, если еще и не весь поселок сохнет, а ведь, дураки, не понимают, что она любит только «первых».

Кстати, завтра будут соревнования по легкой и тяжелой атлетике, а также по вольной борьбе. Я ей тогда покажу, подумаешь, она только «первых» любит. Ну вот, она прошла, взяла ведро и начала мыть стены, кокетливо поглядывая на нас, т. е. в нашу сторону, потому что она знает — все училище

сохнет по ней. Я не понимаю — ей, по-моему, это приносит какое-то особое удовольствие. Павлик Томский вены себе вскрывал из-за нее... А она вместо того, чтобы вообще уехать из училища, еще пуще начала дразнить его. То записки шлет, то на свидание зовет, сама потом не приходит. А Павлик, простой парень, простоит зимой в пятидесятиградусный мороз два-три часа и приходит в общагу весь обледеневший. Мы ему и так объясняли, и эдак — ну никак до парня не доходит...

Ну вот, по-моему, приколотили нормально.

— Капитонов! Стручков! Лебедев! — Это наш военрук подошёл, раскомандовался, — Портнягин, Прокопьев, Леонтьев, Хорунов! Заканчивайте работу, быстро собирайте вещи, получите продовольствие на три дня, в канцелярии получите документы.

Значит, не 17 мая, а сегодня мы отправляемся вставать под славные армейские знамена. Мы этого, конечно же, ждали. Но все равно как-то неожиданно получилось.

— Товарищ старший лейтенант! — Это у меня со школы осталось — по званию обращаться к военруку, а не по имени-отчеству.

— Ну что тебе, Капитонов?

— Понимаете, я, то есть, за меня паек, деньги и документы возьмет Игорь Лебедев. Разрешите на

некоторое время отлучиться. Она здесь недалеко живет. — слова «моя девушка» я пропустил, но военрук и без того понял, с кем я хочу попрощаться.

— Ладно, только побыстрей.

— Есть!

Я бежал сломя голову: боялся — не ушла ли она на работу. Спотыкаясь, зашел к ней домой и спросил у ее матери, где Света. Она сказала: «Пройди в комнату, она спит». Я зашел, но будить ее почему-то не стал: или я заранее знал, или просто думал, что она все равно не дождетя меня, и не хотел обременять ни ее, ни себя...

«По машинам!» — раздалась команда военрука, и мы быстро начали рассаживаться в автобус. Мне было жаль Павла Томского, он смотрел на нас и чуть не плакал. Ведь его сочли негодным из-за той истории, когда он вскрывал себе вены. Ему оставалось только завидовать нам. Наконец взревел мотор нашего ПАЗика, и наше СПТУ стало уходить все дальше и дальше...

18 мая 1987 года, 20 ч

— Ну что, молодняк, вешайтесь!..

Это было первое знакомство с нашим будущим замкомвзвода сержантом Лагутиным. Такого обилия матерного лексикона, я, пожалуй, ещё нигде не слышал. Надеюсь, привыкну. А куда

деваться? Удивительно — кажется всё понятно без перевода.

— Вы прибыли (бип, бип) где будете служить (бип, бип) два года. Так что будьте любезны (бип, бип) распорядок дня (бип, бип), тяжести и лишения (бип, бип) военной службы. В пути следования (бип, бип) вести себя (бип, бип) соответственно (бип, бип) и прочее (бип, бип)...

Через полчаса прослушивания инструктажа мы отправляемся на УРАЛах в знаменитую учебку «Дурдом Солнышко».

Ехали мы долго, где-то два или чуть больше часов. Наконец, приехали глухой ночью. Когда мы повыпрыгивали из кузова, я еще подумал, что попали в черту города, так как в пределах видимости было множество жилых домов. Затем нас привели в казарму, где сразу же уложили спать...

19 мая 1987 года, 6 ч. 30 м

— Ты что, охренел, салага! Подъем!

Когда я проснулся от удара сапогом, тогда только понял, что нахожусь не дома, а в армии, и что строй уже стоит.

— Ладно, на первый раз прощаю, — эти слова для меня прозвучали как свежий и чистый воздух после длительной нехватки кислорода.

19 мая 1987 года, 8 ч. 30 м

От казармы до столовой, наверное, метров

десантно-штурмовую роту, товарищ гвардии прапорщик!

Помню, как он на меня посмотрел с сожалением и сказал, явно не в мой адрес: «Суки, что же вы делаете!»...

Эти слова и этот взгляд я вспомню и пойму много позже, когда буду сталкивать горящий бензовоз под Джелалабадом вместе со сгоревшими в том бензовозе пацанами.

После посещения склада нас повели в баню, если это можно назвать баней. В предбаннике сняли гражданку, надписали бирки и адреса — куда посылать одежду, засунули в мешки и сдали банщику. После чего голыми завели в баню и начали обливать водой из тазиков и выгонять из бани. Я одного не понял: зачем тогда надо было выдавать мочалки и мыло.

Выходили уже с другой стороны. Там, на другой стороне, тоже был предбанник. С этого момента начались кошмары, как нам тогда казалось, тут же все напялили форму, и началась наша армейская жизнь...

— Становись! Меня зовут гвардии прапорщик Лопатин. Я старшина четвёртой учебной роты. Весь этот учебный период заменю вам всем мать и отца, — этими словами представился нам старшина

гвардии прапорщик Лопатин, впоследствии названный нами «Лопата» не столько потому, что его фамилия соответствовала этому прозвищу, сколько потому, что он умел владеть этим инструментом, как Брюс Ли — нунчаками. Наверно, оттого, что долгое время служил в спецназе ВДВ инструктором по рукопашному бою, а в Афгане — командиром разведдесантного взвода в Мозари-шарифе. После долгого объяснения и разъяснения о службе в ВДВ, в частности, в нашем учебном полку, он повел нас на так называемую «экскурсию».

25 мая 1987 года, 11 ч. 00 м

— Ррроотааа!.. Отставить! Рррроотааа!.. Не слышу роты!.. Стой! Раз, два! Товарищи солдаты, я вам еще раз объясняю, то есть объясняю для особо тупых: по команде: «Р-рота!» переходи сразу на строевой шаг! Нога поднимается на 20–25 сантиметров. Печатаем шаг. Вопросы?!

Строй гаркнул: «Никак нет!». Раздался страшный рык:

— Напрааа-во! Строевым! На ВДК² шаго-ом — марш! Земля задрожала под ногами гулко и синхронно. Нам тогда всем, по-моему, было

2 Воздушно-десантный комплекс, где проходят предпрыжковую подготовку.

немножко не по себе слышать, как гудит под ногами земля.

Так начались наши первые занятия в этом прославленном УДШП³. Нас сразу же начали обучать, как отделяться с борта, как действовать в особых ситуациях в воздухе, при схождении, при частичном и полном отказе купола и т. д., и т. п.

Жара стояла невероятная. Наше отделение отработывало «действия в воздухе», я висел на подвесной системе и думал о том, как хорошо сейчас у нас: мама, наверное, сделала кумыс, и о том, что закончился ледоход, и ребята сидят на берегу, рыбачат с закидушками и рассказывают разные истории о шаманах и призраках.

А наверху, на песке, девчонки и мальчишки играют в лапту. Ведь на гражданке не проходило и дня, когда бы мы не играли по вечерам в волейбол, лапту или же не рыбачили. Ведь было очень хорошо, как же все-таки быстро летит время.

— Товарищ солдат (бип-бип)!!! Не спи (бип-бип), а то замерзнешь (бип-бип)! — этими словами меня вернул в настоящее время от тех далеких счастливых дней сержант Лагутин и начал

³ Учебный десантно-штурмовой полк

меня, так сказать, разносить неприличными словами; с его слов, я превращался то в мужские, то в женские половые органы, или же в птицу, обитающую, в основном, в Сибири, то есть в глухаря. После чего мне было предоставлено право сделать двадцать кругов почета вокруг ВДК — естественно, бегом и с ранцем.

По окончании накручиваний он подозвал меня к себе и как-бы извиняющимся тоном сказал:

— Слушай, воин! Я не хочу, чтобы ты при первых же прыжках «просвистел» до самой матушки земли и объяснять твоей матери, что ваш сын был дурак и ничего не слышал во время занятий, после чего разбился.

Когда вернулись в казарму, ко мне подошёл Пашка Артемьев и попросил меня, чтобы ночью с ним вместе встал и помог написать план-конспект Лагутину. Так как он не успеет написать за ночь целых три конспекта.

Я согласился, затем подошел к Коле Вострикову, чтобы он тоже помог. Впоследствии эти ребята стали самыми лучшими друзьями, с ними мы и попали в 217 полк под Кандагаром, — нас всех троих забросили в Гератскую заставу у моста через речку Герируд. В ту ночь мне снилось, как будто я нахожусь у себя дома и мы с ребятами купаемся на реке. И вдруг я понял, что уже переплыл реку, а ребята кричат мне: «Рома,

побыстрей возвращайся, мы ждем тебя»!

Я проснулся от резкого толчка, открыл глаза и увидел, что надо мной стоят Вострик (Коля Востриков) и Пашка Артемьев. Сразу соскочил с кровати, и мы пошли в канцелярию вместе писать конспекты — нашему «замку». Коля во время писанины нам рассказывал, что он после дембеля будет поступать в сельхозинститут и что его призвание быть агрономом, и что землю в данное время используют неправильно и даже пагубно. Хотя его белиберда нам была не интересна, мы как все уважающие себя и друг друга культурные люди слушали его ахинею, ничего не понимая в этом, и все время кивали и поддакивали: «Да, конечно», или же ещё крученее — «Н-да...». После того, как мы закончили писать, до подъема оставалось меньше получаса, и мы решили посвятить их пагубному для здоровья занятию, то есть глотанию никотина с помощью курения и пропуска этого самого никотина через дыхательные каналы к легким, и стали в туалете рассказывать друг другу о гражданке, о девочках, с которыми гуляли, и травили анекдоты. Вот когда начали громко ржать, нас засек дежурный по роте младший сержант Кондратьев (прозвище Мандраж) и заставил передраить весь туалет, а заодно и умывальник.

26 мая 1987 года, 9 ч. 00 м

Развод

— Полк, равняйся, смиренно! Равнение на-право! — начальник штаба полка подполковник Баталов четким строевым шагом, приложив руку к черепной коробке (злые языки утверждали, что в ней, кроме берета, ничего не было), пошел навстречу командиру полка полковнику Тонину. — Товарищ полковник! Учебный десантно-штурмовой полк для развода на занятия построен. Начальник штаба полка подполковник Баталов.

Полковник, как подобает строевому командиру четко повернулся своей «облицовкой» к нам и выбросил: «Здравствуйте, товарищи десантники!». И мы тут же ответили: «Здравия желаем, товарищ полковник»! Надо признать — половина личного состава желала совсем обратного. После постановки задач на текущий день он опять гаркнул: «По-олк! В походную колонну!». Тут офицеры, прапорщики и сержанты заняли свои места. «Поротно! Шаго-ом марш!» Зазвенел военный полковой оркестр, и опять загудела земля под тяжелыми солдатскими ботинками перемежаясь со звуком, издаваемым военным оркестром.

Шли гордо, подтянуто, и все в душе

гордились, что они идут в строю, четко печатая шаг, гордились тем, что у нас, в отличие от других солдат, на груди были видны тельняшки, гордились тем, что мы служим в воздушно-десантных войсках, тем, что впереди, четко печатая шаг, шли капитан Елисеев, кавалер ордена Красной Звезды, имеющий медали за отвагу и за боевые заслуги, прошедший Афганистан и Анголу, старший лейтенант Козлов, тоже афганец, лейтенант Трофимов, — молодой и энергичный офицер. Мы гордились нашим старшиной, который замыкал наш строй, как подобает старшине, кавалеру двух орденов Красной Звезды...

30 мая 1987 года

Стояло жаркое утро в Ферганской долине. Мы приехали в район посадки в восемь часов утра. Несмотря на ранний час, было довольно жарко, где-то под +30.

«Четвертая рота, повзводно становись!» Ну, наконец-то, неужели началось? У всех тогда было праздничное и в то же время волнующее и немного страшноватое чувство. Лопата оглядел нас тяжелым взглядом, а потом улыбнулся и сказал: «Ничего, ребята, это как у девственницы перед брачной ночью: сперва страшно, а потом приятно. Четвертая рота, надеть купола!»

После нескольких разговоров с

командованием батальона и полка к нам подошли Елисеев, Козлов и Трофимов. Елисеев встал перед нами, приказал офицерам осмотреть нас. Козлов и Трофимов шли не спеша, то и дело подергивая за ранцы, делая замечания и подтягивая перекаты. Затем осмотрел сам ротный. Затем роту разбили по «бортам». Каждый борт тщательно проверялся офицерами и прапорщиками ВДС (воздушно-десантной службы), после чего роту разбили на четыре потока и прозвучала команда: «На борт шагом марш!», и мы пошли.

Перед нами стоял разинув свою пасть «ИЛ-76». Слева и справа тянулись такие же цепочки парней к другим бортам. Наконец, мы вошли и заняли свои места. Я оказался в третьем потоке последним, — и это меня это успокоило.

Наконец, этот «крокодил» взмыл в небо. Мы сидели, прислушиваясь к гулу двигателей. У меня пропало всякое желание прыгать, но я не хотел показаться трусом, не хотел позориться. Я понимал, что если в воздухе сделать всё правильно, то всё пройдет; но это уже не успокаивало.

Открылась рампа, выпускающий встал около ограничителя, пошли короткие гудки, и мы встали, правыми руками держась за кольца основных куполов, вытянутыми левыми касаясь плеча впереди стоящего. Завыла сирена, загорелась зеленая лампа, и все побежали. Я зажмурил от

страха глаза и тоже побежал, и через некоторое время под ногами ничего не чувствовал. Меня стало вертеть потоками воздуха. Когда я открыл глаза, перед моими глазами вертелись и мелькали то земля, то небо. На счет «пятьсот три» я дернул за кольцо, хотя в этом необходимости не было: к этому времени сработал прибор, и кольцо выдернулось само, потом где-то секунду летел в свободном падении, и вдруг хлопок — и все остановилось.

Ребята были рады до беспредела, кто-то кричал: «Я лечу!» Кто-то просто орал во весь голос. Ощущение было ни с чем не сравнимое. После того, как приземлились, нас внизу уже ждали Лагутин, Кондратьев, Рустамов — наши сержанты, и мы по очереди подходили к ним, вставали в совершенно не мужскую позу, а они с оттяжкой били запасными парашютами (запаской) по тем местам, которыми мы обычно садимся на табуретки. Это неписанный закон десантников, это значит, что мы стали настоящими мужчинами — десанниками.

Перед строем каждому вручили «тошнотики» — значки за прыжки в виде парашюта и с числом прыжков под «тошнотиком». Когда тебе говорят, что теперь ты не просто солдат, а солдат-десантник, гордись этим званием.

Где-то в конце июня...

Мы бежим по полосе препятствий с

элементами имитации боевой обстановки, я уже прополз под «колючкой». Ввиду того, что меня матушка-природа обидела ростом, мне приходится намного труднее. Во-первых, «броник» (бронезилет). Мало того, что он тяжел, он еще мешает двигаться ногам, так как прикрывает мне не только корпус, но и колени. В связи с этим мне было вдвойне тяжело, и я бежал, покрывая матом этот броник, всю эту полосу, заодно и службу ВДВ.

Впереди — «забор». Подбегаю, подпрыгиваю — не могу достать. Сзади уже подбегает кто-то из парней и толкает меня. Я перелетаю через забор и падаю, тут же слышу душераздирающий крик: «Встааать, бегом!». Вновь встаю и бегу. Голова как не своя, в ушах гудит от разрывов взрывпакетов и тротила, закопанного вдоль полосы препятствий, глаза слезятся и ничего не видать от запущенных дымовых шашек. Вот впереди «разрушенное здание». Карабкаюсь на него и прямо под ухом раздаются резкие хлопки автоматных очередей. Но я не обращаю на это внимание, потому что от этих разрывов, по-моему, я временно оглох.

С «разрушенного дома» я спускаюсь на канате, в это время какая-то сволочь подложила под меня взрывпакет, в ушах загудело. Спустился и побежал дальше; пробежал «взорванный мост» и еще одно «разрушенное здание», затем «брод» и, наконец, вот он — «ход сообщений». Пробежал по

нему, вылез в окоп и закинул гранату в «танк», попал...

Изнуренная июньским солнцем и занятиями на полосе препятствий наша рота разбрелась по лужайке. Кто на карачках, кто, еле волоча ноги, находил более удобное место и тут же падал, кто-то жалел, что попал в армию, кто-то о том, что попал в ВДВ, а кто-то вообще жалел, что мужиком родился. Было странно слышать подобное от таких здоровенных, почти двухметровых амбалов. Один Пашка Артемьев лежал и что-то напевал себе под нос. Я не знаю, о чем он пел, но было ясно, что был в бодром настроении. Мне даже показалось, что он вообще не устал. Я и Вострик сидели на откосе и, ни о чем не разговаривая, курили. Коля сидел задумчиво. Его мысли, наверное, были где-то там далеко-далеко в Алтайском крае, где его ждали мама, дом и любимая девушка.

Конец июня, 20 ч. 00 м

Всю роту загнали в Ленинскую комнату, пишем письма домой. Я не знаю даже, что писать родителям. А Свете напишу.

«Здравствуй, Света! С пламенным горячим солдатским приветом к тебе, твой друг Рома. В первых строках хочу передать тебе свой нежный поцелуй, ну, а во-вторых... Сообщаю, что я жив, здоров, чего и тебе желаю. Рядовой Капитонов» (это

я у Вострика подсмотрел).

Через минуту раздалась команда: «Рота встать, смирно!», — это зашел Лопата. Калюжный доложил как положено, после чего Лопата, не обращая на него никакого внимания, приказал всем сесть. Вслед за тем началось. Дело в том, что он нашёл в туалете разорванную простыню, а в расположении — бычок

Экзекуция началась со слов: «Встать! строиться в расположении». После построения дневальные постелили перед строем ту самую разорванную простыню и положили туда бычок. Старшина приказал аккуратно завернуть бычок в простыню, после чего принесли носилки и четыре лопаты. Бережно уложили простыню на носилки, и вышли на улицу. Старшина объявил, что сейчас будет «похоронная процессия» и дал команду «напрааа-во, бего-ом марш», и мы побежали в сторону учебного городка, что в трех километрах от части. Впереди бежали носильщики «с телом покойного», за ними рота.

Похоронную процессию замыкал старшина Лопата.

Через полчаса забрались на высоту. Старшина велел четверым солдатам — Степанову, Калюжному, Зотову и мне выкопать яму глубиной два метра, шириной полтора, и длиной 2,5 метра.

Мы копали яму в течение часа. После чего ребята опустили в яму бычок, свернутый в рваную простыню, и зачитали прощальные слова: «Спи спокойно, наш дорогой товарищ, мы будем помнить тебя, покада не съест твой никотин наши легкие до конца, и не начнет капать никотин с того самого места, чем мы садимся на стул».

По окончании траурной церемонии яму закопали и поставили импровизированный крест. Я только тогда и заметил, что таких «могил» здесь аж штук двадцать. После скорбного собрания мы вновь бегом вернулись в часть.

На вечерней поверке старшина предупредил нас: «Не дай Бог еще раз найду в расположении роты хоть один бычок, вы у меня на дальней танковой дистрассе будете хоронить свой окуроч». С этими словами Лопата вежливо попрощался с нами и вышел из казармы.

Дежурный по роте почему-то не спешил нас «пробивать», и мы тут же поняли, что нам пришла хана: сержанты эту вечернюю прогулку до учебного городка вряд ли нам простят. И тут случилось неожиданное: замкомандира первого взвода старший сержант Карелин признался при нас сержантам, что это он курил в казарме, а когда зашел Лопата, он потушил бычок и бросил; не дав опомниться, дал команду: «Отбой!». Раздевшись и

заправив обмундирование, вся рота улеглась с чувством облегчения и большой благодарности Карелину.

«Рота, подъем, тревога!!!». Я резко вскочил, и, не до конца проснувшись, начал одеваться, ругая (естественно, про себя) на чем свет стоит дневального и того, кто передал ему эту команду, хотя естественно, ни дневальный, ни тот, кто передал «тревогу», ни в чем не были виноваты. Согласно боевому расчету, первый и третий взвод уже получили оружие и бежали одеваться в свои кубрики. Затем четвертый и наш взвод, т. е. второй, уже к тому времени одетые, побежали вооружаться в оружейку. Нас построили на плацу, выдали боекомплекты. Напротив каждого взвода уже стояли грузовики.

«По местам»! Мы быстро заняли места. Было странно, что постоянный состав тоже был поднят по тревоге. Заревели моторы и колонна двинулась. Не в район посадки, как это было всегда, а к центральному КПП. Мы поняли, что едем в город. На выходе колонна остановилась. Начальник штаба по радиации что-то передал, и наш взводный лейтенант Трофимов прояснил ситуацию: в городе нездоровая обстановка, нам приказано в составе роты перекрыть дорогу Фергана — Ташкент.

Наша рота свернула от Ферганы направо,

взвод остался в каком-то кишлаке, и вдруг из-за домов на нас начали сыпаться камни — это бузили местные жители. Трофимов приказал нам отойти за арык, но дальше не отходить и никого к дороге не пропускать. Огонь по толпе без команды не открывать. Мы цепью отошли за арык, и вдруг Калюжный схватился за лицо — ему камень попал прямо в переносицу. Его подхватили Коля Вострик и Мишка Коваленко, затащили за арык. Здесь хоть можно было укрыться за деревьями. А пьяная толпа дальше не полезла. Я чувствовал какое-то неприятное ощущение: то ли страх, то ли безысходность положения, ведь нас было всего тридцать два человека против целой деревни. И хоть мы и были вооружены, но приказа открывать огонь не было, и эта неопределенность еще больше меня убивала и сбивала с обычной колеи.

Одно успокаивало: рядом со мной стоит Пашка Артемьев; мы-то с ним друг друга в обиду не дадим. И так мы простояли до десяти часов утра. Затем в деревню приехала милиция, нас загрузили в грузовик и мы поехали обратно в часть. Я, да и не только я, все, наверное, отходили от транса. Мы не обсуждали пережитое и не бравировали друг перед другом. Просто сидели молча...

Сентябрь 1987 г.

Вот и закончилась учебка, мы стали «деревянными дембелями». Наша троица — Пашка,

Коля и я, лежали на лужайке за нашей казармой. Перед этим мы в чайной купили всякой всячины: конфет, пряников, лимонад и т. д. и млели под сентябрьским солнцем, было свободное время. Коля опять начал про свое: «На зиму, наверное, приготовили закрома, и сено уже заготовили», и еще про коров и коз что-то плел. И Пашка не выдержал:

— Слушай, Вострик, ты можешь о чем-нибудь другом говорить?

А он удивленно:

— О чем же еще?

Тут я влез в их спор:

— Ну, например, о женщинах. Или же о том, как ты в санчасти с фельдшером познакомился, кстати, как её зовут? Может, она пожелает со мной тоже познакомиться, а?

— Да ну вас, извращенцы, никакой, понимаешь, культуры, — с этими словами он отмахнулся от нас и тут же пересел. Обиделся.

Через некоторое время прибежал дневальный и позвал нас: ротный приказал всем строиться. Через пять минут мы уже стояли в строю. Вышел ротный. Он долго ходил вдоль строя, а потом повернулся к нам:

— Ребята, послезавтра — отправка «за речку». Через пять минут будет объявлено построение. Кто не желает, может не становиться в строй. С этими

словами дал команду «разойтись». Все разбрелись по койкам и каждый без лишних эмоций рассуждал и взвешивал свой будущий шаг. И вновь поступила команда на построение, в строй не встали только четверо. Ротный как-то странно посмотрел на меня, позвал в канцелярию. Там он сказал:

— Тебе пришло письмо. Ты извини, что мы вскрыли его, но перед отправкой мы все письма вскрываем, чтобы не было при первых же боях самострелов или глупых смертей.

И он прямо сказал, что моя девушка вышла замуж. Я вздохнул и отчеканил:

— Разрешите идти?

Ротный удивленно посмотрел на меня:

— Тебя что, совсем ничего не волнует?

— Никак нет, товарищ капитан! — И, даже не забрав письмо, вышел из канцелярии.

Но на душе все равно скребли кошки. У ребят было чемоданное настроение, все были возбуждены и рады, что наконец-то эта адская «учебка» закончилась. Мы с сержантами уже разговаривали на «ты», они сами на этом настояли.

Ранним утром нас подняли по тревоге, прихватили с собой заранее приготовленные шмотки: ботинки, РД-шки, шинели в скатку, сухие пайки и т. д. Построили, прямо на плац заехали КамАЗы. Полковник Баталов — командир части — начал толкать речь, он говорил о том, что нам

выпала честь выполнять интернациональный долг и оказать неоценимую помощь дружественному афганскому народу, и еще много о чем-то говорил, до меня доходили лишь обрывки фраз.

Затем прозвучали команды: «Равняйся, смирно! Торжественному маршу — поротно! Управление прямо! Остальные — напраа-во! Дистанция шесть метров! Равнение направо! Шаго-ом марш!». И тут зазвучала до боли знакомая музыка «Прощание славянки», и опять, как всегда, загудела под нами земля.

Мы расселись по машинам и поехали на станцию.

Я знаю, как перебежать под прикрытием огня с позиции на позицию, умею переползать под колючей проволокой и воткнуть штык в голову чучела, имитирующего часового. Могу пробежать с полной выкладкой сорок километров, умею вонзать нож в имитатор, умею водить по горным дорогам боевую машину десанта, метнуть гранату. Я научился убивать, убивать ради жизни, ради того, чтобы я и мои друзья вернулись домой. Уже далеко учебка, а впереди Фергана, Душанбе, Кабул, Кандагар, Файзабад, Герат, Кундуз...

Рома «Динамит»

Нас оставалось
совсем немного,
Враги нас
прижимали к скалам.
Тот день запомню я
надолго,
Хотелось время
повернуть обратно.
В тот миг я осознал,
что очень молод,
И даже не успел
познать любовь...

*(из стихотворения
Романа Капитонова)*

...Он быстр, подвижен и энергичен. Такова и его речь, сплошь усыпанная шутками и прибаутками. Коротко стриженные волосы уже убелены сединой, а зеленые глаза сметливы и смешливы одновременно. Милицейский бушлат — на несколько размеров больше. Он делает его чуть несуразным, что владельца ничуть не смущает, и получил он такой специально, чтобы ходить в нем на охоту и рыбалку.

Теперь Роман Романович Капитонов не ездит в Чечню и в другие «горячие точки». В свои сорок

лет он инвалид, ставший таковым вследствие боевых действий, ветеран милиции и человек, повидавший в жизни многое, если не все.

Полтораметровый десантник

То, что повидал старший прапорщик Роман Романович Капитонов, легендарный Рома «Динамит», хватило бы на несколько жизней. Уже в восемнадцать лет в его жизнь вошла война. Тогда в 1987 году молоденьких солдат-срочников отправили в Демократическую Республику Афганистан выполнять интернациональный долг в составе десантно-штурмового полка. До призыва в армию Роман окончил Соттинское СПТУ, получив специальность водителя, тракториста и стал в армии механиком-водителем боевой машины десанта.

То, как Роман Капитонов при росте в полтора метра стал десантником — история отдельная и особая. Стать военным Роман мечтал еще с детства, прошедшего в городе Вилюйске. Примером для подражания был отец Роман Николаевич, в прошлом артиллерист, капитан сухопутных войск, прошедший всю Великую Отечественную с боями до Кенигсберга. Очень скрупулезный, аккуратный, Роман Николаевич много дал своим девятерым детям, все делал в жизни на совесть и учил их

ничего не бояться, мудро полагая, что в жизни нет ситуаций, из которых нет выхода.

О военной форме школьнику Роману мечталось еще и потому, что любимое занятие — чтение книг — подарило ему множество героев. Отважных, сильных и смелых людей, на которых хотелось походить. Это и герои романов Фенимора Купера и Александра Дюма, и великие полководцы, знаменитые тактики и стратеги войны — Суворов, Кутузов, Блюхер, Жуков.

Когда пришло время собираться в армию, Роман понял, что наконец-то претворяется в жизнь его мечта и решил стать десантником. В то время в ВДВ — войска дяди Васи, то есть генерала Маргелова, создавшего этот род войск, брали только при росте 170 сантиметров. Роман, разумеется, не подходил по этому параметру. Разве что спортивное достижение кандидата в мастера спорта по вольной борьбе, полученное им еще в школе, было плюсом.

Тогда он решил взять прибывшего из центра для набора капитана ВДВ измором. С раннего утра до позднего вечера в республиканском сборном пункте он буквально бегал за ним, умоляя взять его в ВДВ. Капитан отмахивался, как мог. Но Роман был очень настойчив, и тот, наконец, устало сдался: «Иди в отдел формирования, черт с тобой...».

В учебке, которую Роман проходил в Фергане,

попал в руки замкомвзвода, старшего сержанта Лагутина. Последний каждое утро по полчаса буквально подвешивал Романа на турнике, а на ноги прикреплял тяжелые танковые траки, то есть гусеницы. Лагутин кормил его, как на убой, давал витамины. И случилось небывалое — за четыре месяца Роман вырос аж на 10 сантиметров!

После учебки «срочники» попали в Афганистан. Сразу на войну. В первом бою механик-водитель боевой машины десанта Капитонов особого страха не ощутил и не понял, почему командир отделения крикнул ему: «Открой люк!». После боя Роман спросил его, зачем это надо было. Тот ответил, что в случае взрыва механик-водитель может вылететь наружу и остаться живым. При закрытом люке его просто расплющит внутри.

Через четыре месяца БМДэшка подорвалась на противотанковой мине, а механика-водителя Капитонова вышибло наружу. Он обошелся лишь легкой контузией. Романа перевели десантником-автоматчиком, а через три месяца ему присвоили звание младшего сержанта и назначили замкомвзвода.

Вскоре сержант Капитонов после вывода советских войск из Афганистана, оказался в Тульской дивизии, где предложили отучиться в школе прапорщиков спецотдела ВДВ. Так он стал